

— Ублюдок*! Даже император, поднимаясь на твою гору, должен сдавать меч?!

* В оригинале очень грубое ругательство «[mā bā gāozì]». Но так никто сейчас не говорит. По идее это вариант распространённого выражения из севернокитайских диалектов «[wáng bā gāo zì]» (досл. «детеныш черепахи» ака бастард). Но «[mā bā gāozì]» встречается в классических уся-романах. Например, в романах Цзинь Юна «Книга и меч» и «Ляньчэнский трактат».

Узнаваемый голос Чжу Ди эхом прокатился по горе Удан.

Тотчас же с заднего зала храма Чжэньу раздался громкий голос Чжан Саньфэна:

— Ублюдок! И отец твой, когда восходил на гору Удан, тоже должен был сдавать меч!

Чжу Ди тут же смягчился и приказал:

— Чжэн Хэ,ними свой меч и положи его в тот пруд.

С раздутым, как свиное рыло, лицом он поправил драконий халат, достал из-за пазухи предмет и небрежно его бросил.

Клинок Чаньи с лёгким звяканьем подпрыгнул на поверхности, затем, врезавшись в лёд, бесшумно погрузился в него и, наконец, опустился на дно пруда.

Чжу Ди, усмехнувшись, засучил рукава и распорядился:

— Ожидайте здесь.

Взяв с собой лишь одного слугу, император Юнлэ шагнул за ворота монастыря.

— Даочжан Чжан, сколько лет, сколько зим! Как поживаете, а? — самодовольно рассмеялся Чжу Ди, засучивая рукава и оглядываясь по сторонам.

Чжан Саньфэн сложил руки в приветственном жесте и с улыбкой произнёс:

— Приглашаю Янь-вана внутрь.

Услышав слово «Янь-ван», Чжу Ди не смог скрыть перемены в лице и помрачнел.

Чжан Саньфэн, в лotosовом гуане* и ярко-жёлтом одеянии с восемью триграммами*,

облачённый как земной бессмертный, пригласил Чжу Ди войти в храм Чжэньу. Они медленно шли по залу, по обеим сторонам которого рядами стояли ученики Удана, дружно склонявшиеся в почтительном поклоне.

* Гуань (冠) — корона, венец, головной убор.

* Восемь триграмм (☰☷) — комплекс символических знаков для гадания в древнем Китае.

Хотя Чжу Ди и являлся земным Сыном Неба, но, стоя перед статуей владыки Чжэньу, не мог не проникнуться благоговейным трепетом. Тем более что небесный мандат на правление даровался свыше, а сам он, беспутный князь, изначально взошел на престол незаконно. Глядя на величественный облик Чжэньу, которого с левой стороны обвивала черепаха, а справа — змея, он ощущал в сердце ещё большее беспокойство.

Чжан Саньфэн предложил ему сесть и добавил:

— Цинъюнь, Цинфэн, подайте князю чай.

Два даосских послушника принесли деревянный поднос и поставили его перед Чжу Ди и Чжан Саньфэном. У Чжу Ди аж дыхание перехватило: какой там Цинъюнь и Цинфэн — один из них явно был императорским шурином, Сюй Юньци! А другой, Цинфэн, — государственным преступником Тоба Фэном, который избил императора!

У Юньци на глазах была чёрная повязка, и его бледное лицо с этой тканью казалось ещё более хрупким и изящным. Чжу Ди холодно произнёс:

— Даочжан Чжан, что за представление вы затеяли?

Никто не ответил. В уголке губ Юньци дрогнула легкая улыбка. Он склонился, взял медный чайник, который передал ему Тоба Фэн, и начал наливать чай в чашку. Слепой не мог точно прицелиться, и горячая вода брызгала по всему столу. Тоба Фэн цыкнул, подвинул пальцем носик чайника чуть ближе, и вместе они справились с наливанием чая.

Затем Тоба Фэн сказал:

— Иди сюда.

Он потянул Юньци за воротник и отвел его за спину Чжан Саньфэна, где они оба остановились.

Старец мягко рассмеялся, вытер рукавом своего даосского одеяния деревянный поднос и снова произнес:

— Князь, прошу вас.

Чжу Ди был на грани того, чтобы дать волю гневу, однако перед залом стояли сотни учеников Удана, да и уровень боевого мастерства Чжан Саньфэна, этой старой нечисти, был ему неизвестен. Он знал лишь, что все, кто когда-либо сражался с ним, давно отправились на тот свет. Поистине, его можно было описать только словами «непостижимо загадочный».

Сдерживая гнев и обиду, Чжу Ди поднял чай, на мгновение задумался, а затем произнёс:

— Уданский «Облачный туман».

Чжан Саньфэн мягко улыбнулся и сказал:

— Именно так. За последние сто с лишним лет на вершине Удана моего чая «Облачный туман» удостоились испить четыре императора. Родившись человеком, я обошел этот мир, и мне довелось увидеть четырех Сыновей Неба. Можно сказать, мое заветное желание исполнено.

Чжу Ди изменился в лице. Его взгляд скользнул по Юньци и Тоба Фэну, после чего он холодно спросил:

— Могу ли я узнать, каких именно четырех Сыновей Неба повстречал Чжан-чжэньжэнь?

Чжан Саньфэн с грустным вздохом произнес:

— Первым был император Хуэйцзун из династии Юань. На двадцать седьмом году правления Чжичжэн Тогон-Тэмур трижды водил войска на штурм горы Удан, лично возглавляя пятидесятитысячную монгольскую армию. Его воины трижды подступали к храму Чжэнью и трижды отступали. В те годы я, находясь в самом расцвете сил, пребывал в школе Цюаньчжэнь* на горе Чжаннаньшань, где обсуждал боевые искусства с братьями-даосами. Когда же гонец с Удана доставил срочное письмо, мне пришлось днем и ночью спешно возвращаться в горы.

* Во времена династии Сун даос Ван Чунян основал религию, проповедующую сочетание трех учений: конфуцианства, даосизма и буддизма, поэтому она получила название «Учение полной истины» (Цюаньчжэнь цзяо). В эпоху Юань оно было чрезвычайно популярно, а к династиям Мин и Цин постепенно пришло в упадок.

— Перед главным залом Чжэнью Тогон-Тэмур и этот бедный даос сидели друг напротив друга и пили чай, а после трех чашек юаньский император Хуэйцзун изложил свою цель: войска окружили гору с намерением привлечь на службу всю школу Удан...

Чжу Ди усмехнулся:

— Хотя Чжан-чжэньжэнь и отрекся от мира, приняв даосизм, в конечном счете в его сердце все же осталась забота о семье и стране.

Чжан Саньфэн спокойно ответил:

— Князь совершенно прав. Ответственность за процветание и упадок Поднебесной лежит на каждом. И тогда этот бедный даос прямо в зале одним ударом меча убил юаньского императора Хуэй-ди.

Зрачки Чжу Ди внезапно сузились. В одной руке он держал пустую чашку, а другая его рука не переставала дрожать.

Чжан Саньфэн распорядился:

— Подайте князю чай.

Затем он снова вздохнул и продолжил:

— Вторым был Малый Минван* династии Сун — Хань Линь-эр. Его отец, Хань Шаньтун, был лидером секты Белого лотоса и до провозглашения себя императором поднимался в горы, чтобы поклониться владыке Чжэнью.

* Минван, Видья-раджа — в буддизме божество, защищающее разумных существ от демонов. В буддийском пантеоне стоит на третьей ступени, после будд и бодхисаттв. После смерти отца Хань Линь-эр был провозглашен лидерами восстания 方腊 — «Малым Минваном» с отсылкой на Видья-раджу.

Юньци кое-как подал Чжу Ди чай, облив ему руку. В этот момент он как раз вовремя вмешался в разговор:

— Шифу его тоже убил одним ударом меча?

Чжан Саньфэн улыбнулся:

— Нет. Когда Хань Линь-эр стал императором, всё ещё царила смута, и восстания вспыхивали одно за другим. У него была одна вещь, но он чувствовал, что не сможет её сохранить, и потому доверил её этому бедному даосу, чтобы забрать обратно в тот день, когда взойдёт на престол и наденет драконьи одежды.

— Позже... этот бедный даос услышал, что Хань Линь-эра связали, засунули в мешок и утопили в реке*.

* В 1366 году, по наиболее распространенной версии, Хань Линь-эр погиб при невыясненных обстоятельствах (утонул во время переправы по приказу или с молчаливого согласия Чжу Юаньчжана). Его смерть устранила последнего конкурента Чжу Юаньчжана.

Юньци вздохнул:

— Сейчас сыскная служба и дворцовая охрана всё ещё разыскивают оставшихся членов секты Белого лотоса.

Чжан Саньфэн промычал и предложил:

— Янь-ван, прошу, выпейте вторую чашку.

С горькой миной на лице Чжу Ди держал в руках зеленый чай, который казался ему ядом, разъедающим внутренности. Он посмотрел на меч «Семь звезд», поднесённый в дар перед статуей божества Чжэнью, и ощутил бесконечное сожаление: с самого начала ему не следовало подниматься на гору Удан.

Чжан Саньфэн продолжил:

— В четвёртый год правления Хунью великий генерал Сюй взобрался на гору, неся на спине Чан Юйчуня, в поисках лечения. По горной тропе, поднимающейся с заднего склона пика Тяньчжу, они преодолели три тысячи шестьсот восемь ступеней. В то время этот бедный даос не встречался с генералом Сюй лично. Ранение генерала Чана лечил мой старший ученик Сун Юаньцяо. Генерал Сюй проявил глубокую преданность, что в полной мере показывает силу братских уз в этом мире.

Чжу Ди нахмурился, а Юньци снова с любопытством спросил:

— Шифу, где же вы были в то время?

Чжан Саньфэн размеренно произнёс:

— Твой отец поднимался на гору по заднему склону пика Тяньчжу, а Чжу Чунба взбирался с переднего.

Юньци не сдержал возгласа, исполненного сомнений, и Чжан Саньфэн спросил:

— Не ожидал?

Юньци долил Чжу Ди чаю и с улыбкой ответил:

— Не ожидал.

Чжан Саньфэн рассеянно предложил:

— Янь-ван, прошу.

Чжу Ди, держа в руке чашку, с которой капал чай, дрожал как в лихорадке. Чжан Саньфэн снова улыбнулся и сказал:

— В те времена Чжу Чунба пришёл просить одну вещь, заявив, что через несколько месяцев лично возглавит поход на Северную Юань вместе с Сюй Да, и без этой вещи не сможет разгромить войска Юань, простирающиеся на десять тысяч ли.

Юньци с волнением спросил:

— Что это была за вещь?

— Та, что оставил Хань Линь-эр, — медленно ответил Чжан Саньфэн.

— В то время империю Мин только основали, и было слишком много неопределенности. Я спросил Чжу Чунбу: если он, к несчастью, потерпит поражение и погибнет, и эта вещь вновь пойдёт по миру, что тогда делать?

— Чжу Чунба, видя, что я не хочу отдавать её, вынужден был уступить и сказал, что в будущем его ставленник снова поднимется в горы, чтобы забрать эту вещь.

Юньци и Тоба Фэн одновременно затаили дыхание, понимая, что Чжан Саньфэн подошел к развязке. Чжу Ди застыл у стола и дрожащим голосом спросил:

— Почему я об этом не знал?

Чжан Саньфэн мягко улыбнулся:

— Разве Чжу Чунба возглавил лично поход?

Юньци, подумав, сказал:

— Позже вместо него в поход отправился Лань Юй.

Чжан Саньфэн кивнул:

— Должно быть, он забыл. Теперь, передав эту вещь князю, я своего рода завершу кармическую связь. Принеси.

Тоба Фэн взял деревянную шкатулку и положил ее в самый центр стола. Шкатулка была размером в один чи, с вырезанными древними узорами на крышке.

Чжу Ди спросил:

— Это и есть... та вещь, которую покойный император оставил чжэньжэню?

Чжу Ди протянул руку, чтобы открыть шкатулку, но в тот же миг Чжан Саньфэн тоже протянул руку и прижал ее крышку.

— Уф... — Чжу Ди стиснул зубы, изо всех сил дергая крышку.

Сила Чжан Саньфэна была непоколебима, как гора Тайшань. Чжу Ди долго пытался открыть крышку, но она ни чуть не двигалась с места. Он яростно потянул саму шкатулку, но ее словно отлили из железа и приварили к столу.

Лицо Чжу Ди покраснелось, как свиная голова, и он тяжело дышал от усталости.

Чжан Саньфэн с мягким смешком произнёс:

— Янь-ван, пожалуйста, немного подождите и дослушайте этого бедного даоса.

Чжу Ди с одышкой сел и сказал:

— Говорите.

Чжан Саньфэн медленно продолжил:

— Сюй Юньци и Тоба Фэн уже приняты в число последних учеников этого бедного даоса. Прошу князя проявить великодушие и простить их за былые поступки.

Чжу Ди долго молчал, а затем постучал пальцем по деревянной шкатулке. Изнутри раздался глухой звук. Там явно что-то было.

Чжу Ди снова взглянул на Юньци. Он понимал, что сегодня Чжан Саньфэн оказал ему достаточно уважения. Если он попытается силой забрать этих двоих, скорее всего, Чжан Саньфэн просто «одним ударом меча прикончит его». Драконий трон под ним ещё не успел прогреться, и умереть на горе Удан было бы крайне нежелательно.

Настоящий мужчина умеет и сгибаться, и распрямляться*. В худшем случае, вернувшись, он сможет затаиться вдалеке, а потом выслать войска поджечь гору. Сейчас лучше согласиться, ведь содержимое этой шкатулки — лёгкая добыча.

* Способен сгибаться, способен распрямляться (□□□□) — обр. уметь приспособливаться к обстоятельствам, проявлять гибкость).

Чжу Ди улыбнулся и сказал:

— Хорошо, раз уж чжэньжэнь принял их в ученики... я не могу создавать трудности молодежи. Пусть все останется в прошлом!

Чжан Саньфэн, казалось, уже заранее предвидел эти слова Чжу Ди и с удовлетворением кивнул, убирая руку.

Чжу Ди уже собирался открыть крышку шкатулки, как вдруг Юньци с серьёзным выражением лица произнес:

— Зять, будь осторожен, а вдруг внутри девяносто девять пронзающих небо и землю стрел, проходящих сквозь кости и сердце.

«...»

Лицо Чжу Ди побагровело, а Чжан Саньфэн громко рассмеялся.

Старец распорядился:

— Кто готов, не щадя жизни, открыть для Янь-вана эту шкатулку?

Тоба Фэн склонился и сказал:

— Я открою.

Чжан Саньфэн кивнул:

— Считаю это платой за то, что Янь-ван более десяти лет тебя воспитывал. Сегодня поставь свою жизнь на кон и открой эту шкатулку.

Тоба Фэн преклонил колени перед столом и двумя руками открыл деревянную шкатулку. Чжан Саньфэн облегчённо вздохнул и поднялся во весь рост.

Внутри лежала сияющая квадратная печать размером с ладонь.

Чжу Ди подошёл и взял печать, которую достал Тоба Фэн. Дрожащим голосом он произнёс:

— Это...

— Получивший небесный мандат, да будет здравствовать и процветать, — с лёгкой улыбкой, поглаживая бороду, промолвил Чжан Саньфэн. — Надеюсь, наш император будет добр к народу Поднебесной и всегда будет помнить о простолюдинах.

Чжу Ди, держа в руках яшмовую печать императорской власти, застыл на месте.

— Да здравствует император, — беспечно произнёс Чжан Саньфэн, после чего, взмахнув рукавом, удалился.

— Да здравствует император! — ученики Удана в зале Чжэньу вместе поклонились, сложив руки.

Деревянная шкатулка и стол, к которым прикасался Чжан Саньфэн, обратились в пыль и развеялись по ветру.

Юньци сидел на ступенях перед горой Удан, прислонившись к огромной черепахе, которая несла каменную стелу, и отламывал кусочки паровой булочки, кладя их ей в рот. Не удержавшись, он спросил:

— Как думаешь, зять... ещё будет донимать нас?

Закатав штанины, Тоба Фэн стоял в пруде Сицзянь и, наклонившись, что-то искал на ощупь. Не поднимая головы, он ответил:

— Он не посмеет.

Тоба Фэн взглянул вниз с горы и увидел одинокую фигуру Чжу Ди, медленно спускающуюся вниз.

— Этот хлам — всё, чего он желал, — с насмешкой бросил Тоба Фэн. — Хотел только быть императором, даже тебя бросил.

Юньци, не зная, плакать ему или смеяться, ответил:

— Ненормально как раз не хотеть быть императором.

Тоба Фэн, не отрываясь от поисков в ледяной воде, ответил:

— Если бы у меня не было тебя, ши-гэ все равно не хотел бы становиться императором.

Юньци подшутил:

— А если бы я был?

Тоба Фэн, поразмыслив, честно ответил:

— Тоже бы не хотел.

Юньци спросил:

— Почему?

Тоба Фэн ответил:

— Боюсь, если бы я был так же занят, как он, у меня не было бы времени на тебя.

У Юньци в носу защипало от нахлынувшей волны горечи, и он произнес:

— Быть императором тоже не так уж хорошо. Если бы моя старшая сестра это знала, то, наверное, тоже не позволила бы ему... стать императором.

Тоба Фэн воскликнул:

— Нашёл!

Юньци нахмурился:

— Что нашёл?

Тоба Фэн наконец нашёл клинок Чаньи, который Чжу Ди бросил в пруд для омовения мечей. Обвязав его нитью ледяного шелкопряда, он протянул оружие Юньци и сказал:

— Пойдём.

Затем он взвалил Юньци на спину и направился к заднему склону горы.

— Эй, куда мы?

— Разменивать банкноты на серебро, жить, — на ходу ответил Тоба Фэн.

— Что?! Стой! Мы уходим прямо сейчас? — Юньци был несколько ошеломлён.

— Угу, — Тоба Фэн, не обращая внимания на сопротивление Юньци, прошёл через арку пика Тяньчжу и с сожалением оглянулся назад.

Юньци спросил:

— Ты не пойдёшь прощаться со своим дешёвым шифу...

Тоба Фэн ответил:

— Он велел нам уйти сегодня. Нет, прямо сейчас.

Юньци нахмурился:

— Почему? Я ещё не поблагодарил его, эй, погоди!

— У подножия горы для нас приготовили лошадей. Шифу ещё наказал заботиться о потомке семьи Фан, ведь все его родные уже погибли...

Юньци с изумлением спросил:

— Тебе не кажется, что жить в этих горах тоже неплохо?

Тоба Фэн рассмеялся:

— Целых пять тысяч лянов! Купим на них сто овец, сто коров...

«...»

Юньци в отчаянии воскликнул:

— Ты должен хотя бы попрощаться с шифу...

Тоба Фэн продолжил:

— Когда ты поднимался на гору, то нёс ши-гэ, а теперь, спускаясь, ши-гэ несёт тебя. Мы всегда будем опорой друг для друга.

Юньци окончательно отказался от попыток достучаться до Тоба Фэна.

Тоба Фэн всю дорогу нёс Юньци вниз с пика Тяньчжу, и там действительно стояли две лошади. Он помог Юньци сесть на коня, и они снова отправились в Нанкин.

На вершине горы Удан, в заднем зале Чжэньу.

Солнце клонилось к закату, и Цзинсуй открыл ворота заднего зала.

— Тайшифу, шишу Тоба и шишу уже спустились с горы.

В помещении царила полная тишина.

— Этот ученик* считает, что отдавать меч «Семь звезд», реликвию нашей школы, шишу Тоба, немного...

* Если дословно, то там «ученик вашего ученика» (□□).

— Тайшифу?

Цзинсуй тихонько вошёл в комнату для медитации и увидел, что Чжан Саньфэн всё ещё неподвижно сидит в позе лотоса на циновке.

Цзинсуй протянул руку, чтобы проверить дыхание Чжан Саньфэна. Основатель школы Удан завершил свой жизненный путь в сто тридцать три года, улетев на журавле на запад*.

* Улететь на журавле на запад (□□□□) — обр. уйти из жизни, скончаться, кончина.

Уход Чжу Ди из Нанкина, казалось, сделал город вдвое менее оживленным.

Богатые семьи и знатные дома последовали за ним, перебравшись в Пекин, и на улицах повсюду лежали опавшие листья, сломанные ветки и обрывки бумаги, оставленные после поспешного отъезда.

Лишь река Циньхуай по-прежнему неспешно текла на восток, как и в былые времена.

— Ты же не видишь, да?

— Да, не вижу, — без особого энтузиазма отзывался Юньци на слова Фан Юя.

Мальчик вертел в руках две железные грамоты. Склонив голову набок, он прочитал:

— Тому, кто помог в основании и управлении государством...

— ...Почитающему Небо и усмирившему смуту?

«...»

Юньци в ярости воскликнул:

— Как ты в столь юном возрасте знаешь такие сложные иероглифы, а-а-а!! Лао-цзы в пятнадцать лет даже «Книгу обрядов» не мог полностью прочитать! Не унижай так людей, ладно?!

Фан Юй, хохоча, позволил Юньци повалить себя в карете и немного поколотить, но вдруг вспомнил о Фан Сяожу. Тут же, с соплями и слезами, мальчик разразился громким плачем.

Юньци никогда не умел успокаивать детей и теперь совсем растерялся.

— Чего реवेशь!? — Тоба Фэн забрался в карету и холодно сказал: — Придёт волк и утащит тебя.

— Я хочу к маме... — с глазами, наполненными слезами, пролепетал Фан Юй.

Тоба Фэн спросил:

— А к отцу не хочешь?

Фан Юй ответил:

— Отец злой... если я не мог выучить наизусть книгу, он бил меня палкой...

Тоба Фэн с сочувствием кивнул.

— Пять тысяч лянов серебра в повозке сзади, лежат в ящиках, — сообщил Тоба Фэн. — Когда покинем Нинчжоу и доберёмся до границы, там будут ждать мои соплеменники. У Великой стены обменяем серебро на товары, вывезем за границу и продадим.

Юньци рассмеялся:

— А ты всё продумал. Но мне почему-то кажется, что чего-то всё же не хватает...

Тоба Фэн, держа на руках Фан Юя, устало прислонился к стенке повозки и спросил:

— Чего не хватает?

Карета, покачиваясь, тронулась с места, а за ней следовали несколько повозок, доверху нагруженных одеждой и ямбами*.

* Ямб (兩兩) — название слитков серебра, обращавшихся в Китае до денежной реформы 1933 года. Они были разного размера и веса: чаще всего в 50 лянов, то есть около 1875 граммов, но встречаются также слитки в 5, 10 лянов и т. п. Ямбы имели вид китайских башмаков; они могли разрезаться на части для мелких платежей. Изготовлением и выпуском ямбов занимались частные банкиры.

Юньци чувствовал, что что-то не так, но, долго думая, так и не смог понять что именно. Он протянул руку и нащупал голову Тоба Фэна. Затем наклонился и коснулся чего-то мягкого и нежного.

Юньци поднял Фан Юя и отодвинул в сторону, пригрозив:

— Маленький негодник, не трогай моего ши-гэ, он мой.

Фан Юй без умолку смеялся, а Юньци снова рассердился:

— То, что ты ешь, куплено на мои деньги!

Тоба Фэн с улыбкой обнял Юньци, и они прижались друг к другу, тихо слушая, как неустанно крутятся колёса повозки.

Тоба Фэн поднял ногу и положил её на противоположную скамью, а Фан Юй, сидя верхом на его колене, подпрыгивал туда-сюда, очень довольный игрой. Тоба Фэн поцеловал Юньци в губы и напел:

— Счастливый мужчина из царства Ци*...

* «Счастливый мужчина из царства Ци» (齊人樂) — идиома, описывающая ситуацию, когда у мужчины есть жена и наложница (или несколько жён). Исторически она носит насмешливый, ироничный подтекст. У одного мужчины из царства Ци была жена и наложница. Всякий раз,

выходя из дома, он возвращался сытым и пьяным и рассказывал жёнам, что пировал с богатыми и знатными. Позже жена с наложницей проследили за ним и обнаружили, что их муж выпрашивает объедки у тех, кто совершал жертвоприношения у могил. Эта история изложена в трактате Мэн-цзы.

Юньци не знал, плакать ему или смеяться. Он протянул руку к паху Тоба Фэна и ущипнул его за яичко. Мужчина тотчас застонал от боли и стал умолять о пощаде.

— Ах ты, бессердечный, недолговечный чертёнок! Как ты мог бросить даже свою мать!?

Волосы Чунь Лань растрепались на ветру, пока она, вся в слезах, бежала за повозкой. По пути с неё слетела туфля. Она вернулась, чтобы подобрать свою вышитую туфельку и вцепилась в заднюю перекладину повозки, не желая ее отпускать. Душераздирающий крик девушки стоял в воздухе, такой пронзительный и мощный, словно вой сотни призраков, шествующих в ночи.

Юньци, услышав звонкий визг Чунь Лань, бегущей за повозкой, наконец вспомнил, что же именно было «не так».

Автору есть что сказать:

Дополнительные сведения о яшмовой печати императорской власти для заинтересованных читателей.

Яшмовая печать императорской власти — это не печати, которые использовали императоры каждой династии по отдельности.

С древних времён и до наших дней под ней понималась одна и та же печать, «единственная в своем роде» яшмовая печать императорской власти.

Говорят, что она была вырезана из нефритового диска Хэ* и, начиная с правления Цинь Шихуана, передавалась несколько тысячелетий, являясь могущественным символом, свидетельствующим о смене династий.

* История гласит, что человек по имени Бянь Хэ обнаружил кусок нефритовой породы в холмах царства Чу и был так обрадован находкой, что поспешил представить ее князю Чу Ли. Однако князь не поверил, что камень представляет из себя что-то ценное, и приказал отрубить Бянь Хэ ногу за то, что тот напрасно потревожил правителя. Когда князь умер, трон перешел к его брату Чу У. Бянь Хэ и ему показал камень, но и этот князь не поверил ему и велел отрубить несчастному вторую ногу. Только третий князь Чу Вэнь передал камень резчикам, которые, к их удивлению, обнаружили, что имеют дело с исключительно редким белым нефритом. Из камня был изготовлен нефритовый диск, который был назван в честь Бянь Хэ.

Раз она обладает такой историей, ее, вероятно, можно сравнить с божественными реликвиями

и сокровищами.

На яшмовой печати императорской власти выгравированы слова «Получивший небесный мандат, да будет здравствовать и процветать», написанные Ли Сы*, размером четыре цуня в длину и ширину.

* Ли Сы служил чэнсяном (первым министром) при первом императоре Цинь — Цинь Шихуане. Был идеологом легизма — философии, основанной на строгих законах, централизованной власти и абсолютном подчинении государству.

Без этой вещицы имя императора не правильное, а речь не убедительна*.

* Изречение Конфуция из «Лунь Юй». Смысл в том, что, если человек занимает пост, на который не имеет права, то его позиция не соответствует реальности. И поскольку его позиция изначально порочна, его слова, приказы и аргументы лишены морального авторитета, логики и убедительности.

Она символизирует «получение небесного мандата».

Эта яшмовая печать передавалась из династии в династию: Цинь, Хань, Вэй, Западная Цзинь, Ранняя Чжао, Жань Вэй, Восточная Цзинь, Сун, Южная Ци, Лян, Северная Ци, Чжоу, Суй, Тан, Поздняя Лян и Поздняя Тан.

И за каждой дополнительной надписью на печати было множество историй.

Например, когда Ван Ман устроил мятеж и послал людей отобрать яшмовую печать императорской власти, императрица-мать в гневе ударила печать по грабителю, и у печи откололся угол, который позже заделали золотом.

Когда печать дошла до императора Сянь-ди династии Хань, его вынудили отречься в пользу Цао Пи, и Цао Пи выгравировал на печати «Великая Вэй получила от Хань яшмовую печать императорской власти» (довольно глупый поступок).

Когда печать попала в руки Сыма Яня, он выгравировал «Великая Цзинь получила от Вэй яшмовую печать императорской власти» (и снова глупость).

Яшмовая печать прошла через период вторжения в Китай пяти варварских племен, расцвет династии Тан и эпоху Пяти династий и десяти царств, оставив множество захватывающих легенд, которые здесь нет возможности изложить подробно.

Заинтересованные читатели могут поискать информацию в Baidu.

Когда наступила эпоха династии Юань, говорят, что яшмовая печать императорской власти наконец попала в руки императора Шунь-ди династии Юань. Однако когда Чжу Юаньчжан разгромил Юань и ворвался в Даду, печать так и не нашли.

Впоследствии, когда войска Великой Мин преследовали остатки войск Северной Юань, они также совершенно не смогли обнаружить следов яшмовой печати в районе пустыни Гоби.

Поэтому без свидетельства «получения небесного мандата» Чжу Юаньчжан в душе испытывал некоторое недовольство.

С момента основания династии Мин эта яшмовая печать стала настоящей головной болью для семьи Чжу.

Эпизод, в котором Хань Линь-эр передаёт яшмовую печать Чжан Саньфэну, — это чистой воды вымысел, не стоит вдаваться в подробности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326109>